

Ужин был окончен, однако Вэй Чуцзюнь выглядел на редкость бодрым.

Цзян Ци же слегка утомился. Перекладывая мысленно вину на чужие плечи, он думал, что не будь Вэй Чуцзюня столь беспокойным, он бы и сам не дошел до такого состояния.

Один лежал на кровати, другой — на полу, лениво перебрасываясь репликами.

Ни о чём особенном они не говорили — так, о всяких житейских мелочах.

— Сколько тебе лет?! — первым завёл разговор Цзян Ци.

Вэй Чуцзюнь лежал на боку, глядя на него:

— По лунному календарю восемнадцать, а тебе?!

— Мне только что исполнилось девятнадцать по лунному! — Цзян Ци лежал навзничь, уставившись в потолок. — Кем собираешься стать в будущем?

— Врачом.

— Ого, какие грандиозные устремления! — Цзян Ци усмехнулся, повернув голову к соседу. — Старайся изо всех сил!

Вэй Чуцзюнь кивнул:

— А ты?

— Сначала закончу университет, а там посмотрю, стоит ли подчиняться воле отца.

— Воле отца?

— Мой отец — военный, так что ты понимаешь.

Вэй Чуцзюнь кивнул.

Цзян Ци снова посмотрел в потолок:

— В детстве я просто боготворил отца, мне казалось, что он невероятно крут. Но сейчас я так не считаю. Вся его крутизна сводится к его долгу и ответственности, так что восхищение

прошло, осталось лишь уважение.

Не превозносить его высоко, но и себя не принижать.

Наверное, мои мысли слишком сильно читались на лице, поэтому после поступления в старшую школу мне частенько доставалось от него. Хотя мы с ним были примерно равны по силам, пощады от него ждать не приходилось.

— Бил по лицу?! — единственное, до чего додумался Вэй Чуцзюнь.

Цзян Ци презрительно хмыкнул:

— Ты слишком недооцениваешь моего отца. Он лупил меня исключительно в тех местах, которые были скрыты от глаз матушки. Всё тело в синяках, каждый удар — прямо в плоть, но жизненно важные органы всегда умудрялся обходить стороной. Благодаря такому подходу я многому у него научился.

Слушая это, Вэй Чуцзюнь чувствовал себя так, будто его душит. Это вообще родной отец?

Наверное, кого-то из них с меньшим старшинством просто подобрали на улице!

— Эй, кстати, а ты откуда научился драться?! — Цзян Ци это страшно любопытствовало.

— В детстве я несколько лет занимался единоборствами у одного дяди.

— А потом?! — Цзян Ци был уверен в своем выводе. — По твоему боевому опыту не скажешь, что ты ограничился лишь базовыми тренировками.

— Я... я, я...

— Не спеши, подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

В глазах Вэй Чуцзюня мелькнул испуг, и он тихо произнес:

— Потом меня начали задирать, и я учился сам.

— Совсем не заметно, — Цзян Ци бросил взгляд на его руку, выглядывающую из-под одеяла. — Такой тоненькой ручкой — и разом сдвинуть тысячу цзиней силой четырех лян?

Вэй Чуцзюнь незаметно спрятал руку обратно. Заметив этот мелкий жест, Цзян Ци легко

усмехнулся:

— Да ты не смущайся, я вовсе не издеваюсь. Просто нахожу это невероятным.

Вэй Чуцзюнь молча уставился на него. В этом взгляде отчетливо читалась насмешка.

Сравнил с какой-то мускулистой барышней — потешно вам, да?!

Потешно?!

Смешно?!

.....

И правда, довольно забавно.

На губах Цзян Ци всё ещё играла ослепительная улыбка:

— Извини, не удержался.

Ну вот!

Конечно же, вспомнил про мускулистую девицу и теперь потешается надо мной.

Железно считает, что у меня грубая сила творит чудеса!

Как бы тактично объяснить ему, что я просто использовал ловкость, и заодно упомянуть, что противник был слабоват, поэтому я победил благодаря хитрости?!

Возможно, Вэй Чуцзюнь был настолько неуверен в собственной силе лишь потому, что не имел четкого представления о своих возможностях.

— На самом деле я почти не дрался в своей жизни, — голос Вэй Чуцзюня звучал совсем тихо.

Цзян Ци принял крайне серьезный вид:

— Это всё от полной неуверенности в собственных силах. На самом деле ты очень силен!

— П-правда?!

— А ты помнишь того придурка, которого отметелил? — Цзян Ци аж рассмеялся от воспоминаний. — Я же видел, у него тогда было лицо человека, чья вера в жизнь рухнула. Из этого можно сделать вывод, что твоя боевая мощь просто запредельная. На вид такой интеллигентный, а в деле — совсем наоборот.

Вэй Чуцзюнь полушутя-полусерьезно слушал, как Цзян Ци несет откровенную чушь, и, что самое главное, верил ему.

Совесть Цзян Ци ни капли не мучила, и он продолжил болтать:

— Смотри, если между нами вдруг возникнут какие-то разногласия, ты только руки распускать не вздумай. Боюсь, как бы ты ненароком не прикончил меня здесь!

Вэй Чуцзюнь: «.....»

Из собачьей пасти не выпадет слоновой кости!

— А этот придурок Цюй Цзе? Я сколько себя помню, никогда не видел его таким несгибаемым, — сокрушался Цзян Ци. — Кто бы мог подумать, что в первый раз он проявит твердость лишь потому, что посчитал тебя слишком слабым, а в итоге ты оказался куда свирепее его.

Вэй Чуцзюнь молча смотрел на него добрую минуту, после чего глухо произнес:

— Он... видел, как я дерусь.

Сердце Цзян Ци ухнуло в пятки, он неловко прикусил кончик языка и от острой боли едва не расплакался: «.....»

В этот момент Цзян Ци смутно припомнил рассказы Цюй Цзе о некой «сестрице-демонице», просто минутой ранее он был полностью поглощен попытками подколоть Вэй Чуцзюня за его хрупкую внешность, сочетающуюся с силой мускулистого качка.

Цзян Ци почувствовал, как язык слегка онемел:

— Когда... это было?

— В первый вечер, как я пришел в школу, — Вэй Чуцзюнь закусил губу и продолжил: — Он следил за мной, а потом его зажали в углу.

— Ха-ха-ха... — Цзян Ци выдавил из себя сухую ухмылку. — Какая у него... ха-ха... удача... ха-ха-ха.

Вэй Чуцзюнь кивнул:

— Я слышал от других, что вы близкие друзья, и думал, он тебе рассказал.

— Так ты... та самая сестрица-демоница, про которую он говорил?!

Вэй Чуцзюнь опешил:

— А???

Цзян Ци снова едва не прыснул со смеху:

— Да нет-нет-ничего. Наверное, ты оставил в его душе такую глубокую травму, что он подобрал не совсем подходящее прозвище.

— Ох!

Ох?!

Ох блин тоже мне нашли слово!!!

Дело-то серьезное, разве тут отделаешься каким-то «ох»?!

Просто вопиющее пренебрежение к ситуации!

— Ты спать хочешь? — Вэй Чуцзюнь совершенно не замечал, что задает вопрос с очевидным ответом.

Ха-ха-ха-ха, любой бы догадался, что я еще полчаса назад валился с ног от усталости.

Цзян Ци из вежливости зевнул — причем совершенно непроизвольно:

— Малость клонит в сон.

— Ну, тогда ложись спать.

Это что сейчас вообще значило?!

Что это должно было значить?!

Какая потрясающая, издевательская демонстрация пренебрежения!

Сколько живу на свете, впервые слышу, чтобы кто-то оправдывал ночные бдения с таким непробиваемым, законным видом.

С каких это пор недосып и выпадение волос стали поводом для гордости?!

Из какой же глухой дыры вылез этот допотопный предок человечества?!

К какому вообще биологическому виду он принадлежит?!

Никто ему не рассказывал, что ночные посиделки губят печень?!

Разве его мама не врач?!

Неужели она даже таких элементарных медицинских истин своему ребенку не объяснила?

То-то он выглядит вечно бледным и истощенным, прямо воплощение согнутой на ветру ивы. Наверняка с детства нормальной еды не видел, питался впроголодь, а теперь упущенного уже не наверстать.

В конце концов, права поговорка: я всё же слишком добр. Не стану же я сводить счеты с тем, кто плохо ест, страдает бессонницей и лысеет, да к тому же так хорошо к нему отношусь.

Хоть заноситесь по всему городу — второго такого красавца не сыщете.

Пусть лицом я вышел не столь эффектно, зато о людях заботиться умею, а характер у меня — золото.

Днем с огнем не сыщешь такого замечательного парня, а этот слепец в упор ничего не видит!!!

Не стану опускаться до его уровня.

О чем это говорит?!

О том, что я невероятно великодушен!

Я безумно великодушен, не собираюсь уподобляться мелочным людям, и это исключительно его потеря.

Да он просто глупец!

В конце концов мысленно определив Вэй Чуцзюня в круглые дураки, Цзян Ци почувствовал на душе приятное облегчение. В отличном настроении он повернулся, желая снова завязать с соседом какую-нибудь пустую беседу.

Однако тот был совершенно глух к его попыткам и уже крепко спал.

Цзян Ци закатил глаза, отвернулся обратно и уставился в потолок, погрузившись в задумчивость.

И вскоре благополучно заснул.

В распоряжении было чуть меньше половины каникул, но Цзян Ци так и не придумал достойного места, куда можно было бы сводить Вэй Чуцзюня: идти плавать он боялся, как бы тот вовсе не растворился в воде, угостить вкусненьким опасался из-за риска наткнуться на отказ, а для развлечений у гостя совершенно не было настроения, так что поездка сорвалась. В итоге по меньшей мере половину отпуска оба просидели в гостевом доме, пялясь друг на друга большими глазами.

Цзян Ци до сих пор ломал голову, как его матушка умудрилась уговорить этого парня?!

Тот же вечно ходит с таким лицом, будто потерял всякий вкус к жизни, и как ей это только удалось?

Пребывая на грани нервного истощения, Цзян Ци наконец сдался и запросил помощи у матери.

Матушка выдала всего две рекомендации: во-первых, почаще выводить Вэй Чуцзюня прогуляться, во-вторых — водить его в малолюдные места с красивыми пейзажами.

Поразмыслив над этим целый день, ближе к концу отпускной недели, в один из вечеров после ужина, Цзян Ци все-таки вытащил этого упрянца из дома, чего бы ему это ни стоило.

Они обули легкие шлепанцы и, ступая по мягкому теплему песку, неспешно побрели вдоль берега в лучах заходящего солнца.

Вэй Чуцзюнь то и дело поднимал голову, глядя на закат, порой замирая на месте. Цзян Ци не подгонял его — стоял рядом, разделяя эту тишину, то шагал следом, то воровато делал пару снимков парня на телефон.

Внезапно Цзян Ци подумалось, что так ведь совсем неплохо. Вот она какая, ответственность!

Увлечшись съемкой исподтишка, Цзян Ци совершенно упустил из виду, как сильно сгустились сумерки.

Вэй Чуцзюнь окинул взглядом горизонты, где осталась лишь тонкая алая полоска заката, и с легким сожалением произвел:

— Уже поздно, давай возвращаться.

— погоди ты, — Цзян Ци намеревался побродить еще немного. — пройдемся еще чуть-чуть, какой же здесь освежающий морской бриз!

— Но если слишком долго дышать морским ветром, можно простудиться.

Цзян Ци приподнял бровь:

— Серьезно?

Вэй Чуцзюнь сам засомневался в своих словах:

— Разве нет?

Цзян Ци покачал головой:

— Понятия не имею. Этот вопрос выходит за рамки моих познаний, ответить не могу.

Вэй Чуцзюнь проглотил готовые сорваться с языка слова — он решил воздержаться от высокомерия и не демонстрировать свое превосходство.

Сменив тему, он заговорил о планах на будущее:

— Завтра давай всё-таки выберемся куда-нибудь.

Цзян Ци хмыкнул про себя:

— Неужели наконец понял, что бескрайние просторы ждут не дождутся, пока ты ими полюбишься? И теперь тебе стыдно оставаться взаперти в гостевом доме?!

Вэй Чуцзюнь повернулся и молча посмотрел на него:

— Полюбоваться и стыдно так не говорят.

Цзян Ци опешил, но тут же выдавил из себя смешок:

— Ха-ха, неужели... правда?

Вэй Чуцзюнь кивнул.

— Ладно, раз уж ты сам закинул удочку, то завтра идем железно. Если вздумаешь увильнуть, с тебя спросят как с человека без слова, — строго отчитал его Цзян Ци.

Как на зло, в этот момент налетел порывистый пронизывающий ветер, окативший его ледяной волной. После последовавшего за этим чиха вся строгость куда-то испарилась с видимой глазу скоростью.

Повернув голову, он столкнулся со взглядом Вэй Чуцзюня, в котором читалось немое: «Не послушал старших — теперь пожинаешь плоды».

Их одежда контрастировала разительно, и в этот момент Цзян Ци отчетливо почувствовал, что матушка подставила его.

Дав свой совет, неужели она не могла догадаться предупредить о резких перепадах температур?

Впрочем, кажется, дело было вовсе не в температурных качелях.

И где именно они находятся, она ведь тоже не знала. Вдруг вспомнив об этом, Цзян Ци ощутил некоторую неловкость — и правда, ввязался сгоряча.

Перекладывать собственные просчеты на родную маменьку было поистине грешно!

— Тебе не холодно? — вовремя подал голос Вэй Чуцзюнь. — Нам пора возвращаться.

Цзян Ци резко очнулся:

— Ой, да, пошли, возвращаемся.

Ни у одного из них не было желания обмениваться дежурными любезностями, отчего атмосфера мгновенно стала неловкой.

Из-за царившего напряжения и собственной немногословности Цзян Ци не рискнул вымолвить ни слова, стараясь даже дышать как можно тише.

Вэй Чуцзюнь, в отличие от простодушного Цзян Ци, размышлял о том, каковы же были истинные мотивы того, кто притащил его в эти места жить на полмесяца.

Давящая тишина словно плитой прижимала голову Цзян Ци к земле.

Вэй Чуцзюнь заговорил тихо:

— Зачем тебе вообще понадобилось ехать отдыхать и брать меня с собой?

Ну вот, типичный вопрос в лоб.

— С чего вдруг ты стал так обо мне заботиться?

На этот вопрос нужно было ответить толково!

— Если дело в том, что я помог уговорить Гуй Лян разрешить тебе пожить здесь, так ведь ты и мои пищевые проблемы полностью решил. Если речь шла лишь о простой благодарности, не стоило городить такой огород — поблагодарил бы на словах, и я бы не посчитал это чем-то неправильным.

Это... это-то как... Другие вон в знак благодарности замуж готовы были идти, почему же у меня всё поворачивается каким-то не тем боком?!

Стоп, с чего это я вообще вспомнил про примеры с женитьбой?!

Я что, тоже рехнулся?!

Наверное, это этот паразит Цюй Цзе снова поминает меня за глаза, ворона каркающая!

— Мы знакомы без году неделя, если сложить все дни до кучи — и нескольких месяцев не наберется. Быть настолько добрым к совершенно незнакомому человеку — по-твоему, это нормально?

Цзян Ци приподнял бровь:

— Нормально, а что здесь ненормального?

— Если говорить прямо — мы с тобой братья, если чуть мягче — друзья. Скажи на милость, где здесь хоть что-то ненормальное?

Вэй Чуцзюнь отродясь не слышал столь извращенной логики:

— Ты... ты просто несешь бред!

— С чего это я несу бред?! — Цзян Ци бесстыдно врал в глаза. — Оставим в стороне вопрос о том, братья мы или нет, но в том, что мы друзья, сомнений быть не может.

— С каких пор мы друзья?

— Если мы не друзья, стал бы я трепать о тебе языком, а ты — вместо того чтобы врезать мне — еще и улыбаться в ответ? — Цзян Ци вспомнил прошедший месяц совместной жизни. — Будь мы не друзьями, позволил бы я тебе укусить меня и утешал бы после, вместо того чтобы распускать руки? Будь мы друзьями, стал бы ты бегать в поисках пластыря, наклеивая его на малюсенький след от зубов? Кожа едва успела процарапаться, а ты раздул из мухи слона, будто у меня кусок мяса отхватили!

— Я...

— Что «я», да «я»?! Хочешь со мной дружить — так и скажи прямо. Я что, посмеялся над тобой или еще чего? Чего ты ломаешься, как кисейная барышня? Мужик ты или нет, нельзя ли попроще?!

—

— Опаньки, язык в жопу засунул?

— Сам ты язык в жопу засунул! — Вэй Чуцзюнь тяжело вздохнул. — Я не сержусь!

— Ого, еще и повышаешь голос! — Цзян Ци снова взъелся на Вэй Чуцзюня. — Умный в гору не пойдет, умный из себя тихоню строит, мол, боишься, что я оглох и не слышу. А кто не знает, решит, будто я опять кого-то обижаю!

— Я не повышал голос!

— Говорит, что не повышал, а сам орет! Я, между прочим, в самом расцвете сил, со слухом полный порядок, так что надрываться не обязательно — я всё отлично слышу, и по губам читать умею, — в каждом слове Цзян Ци сквозило крайнее раздражение. — Стоило тебе перестать строить из себя глухую стену, как ты бы сразу понял, что я считаю тебя братом.

—

— Ишь ты, стоило пару слов сказать — сразу недоволен, и опять молчок.

Вэй Чуцзюнь, у которого от злости уже закипала кровь, бросил напоследок:

— Я спать хочу, пошел в комнату.

Цзян Ци остолбенело смотрел на его стремительно удаляющуюся спину:

— Серьезно, он что, и правда обиделся?! Эй, подожди меня!

Всю дорогу назад Цзян Ци гадал, насколько высоко взлетит шкала гнева Вэй Чуцзюня. И что в итоге?!

А в итоге Вэй Чуцзюнь вернулся в гостевой дом, вошел в комнату, лег на кровать — и злость как рукой сняло.

Просто взяла и испарилась!

Исчезла!

Лежит себе на кровати да похихикивает. Цзян Ци уставился на него с подозрением, пытаясь сообразить, не подменил ли ему кто мозги по пути, и только после этого выдал:

— Чего лыбишься?

— Радостно.

— Ну вылитый дурачок, и правда ведь радостно!

Лицо Вэй Чуцзюня мгновенно скисло: «.....» Он отвернулся, оставив Цзян Ци созерцать свою одинокую затылочную часть.

Вот и пойми его, опять дуется?!

Какое же мерзкое у него настроение!